

- ⁶ Панов А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. С. 216.
- ⁷ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 44. Л. 58, 61, 140, 142, 110, 117.
- ⁸ Там же. Д. 1152. Л. 1об.—3, 19, 20.
- ⁹ Там же. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321, 521.
- ¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 2126. Л. 160—161, 320—321, 521.
- ¹¹ Там же. Д. 24. Л. 27—28.
- ¹² Там же. Ф. 1133. Оп. 3. Д. 591. Л. 4об., 15 об.
- ¹³ Научный архив Сахалинского областного краеведческого музея (далее — НА СОКМ). Оп. 3. Д. 59. Л. 14.
- ¹⁴ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 591. Л. 4об., 15об.
- ¹⁵ ГАИО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 73. Карт. 2611. Л. 143, 151, 152.
- ¹⁶ Центральный государственный архив Военно-Морского флота. Ф. 909. Оп. 2. Д. 23. Л. 125 об.
- ¹⁷ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 37. Л. 10—22, 29.
- ¹⁸ НА СОКМ. Оп. 3. Д. 185. Л. 2.
- ¹⁹ ЦГА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 663. Л. 40.
- ²⁰ ЦГА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 1230. Л. 3.
- ²¹ ЦГИА. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 701. Л. 2—3; Ф. 1276. Оп. 17. Д. 29. Л. 194 об.
- ²² Там же. Ф. 391. Оп. 3. Д. 1148. Л. 19.
- ²³ Унтербергер П. Ф. Приамурский край в 1906—1910 гг. СПб., 1912. С. 209.
- ²⁴ Здесь и далее мы имеем в виду часть острова, принадлежавшую России.
- ²⁵ ЦГА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Лл. 2—6. Ф. 702. Оп. 5. Д. 908. Лл. 1—4, 121—192; Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ф. 331. Картон х. Лл. 3098—3414.
- ²⁶ Сведения о селениях на Сахалине // Сахалинский календарь на 1898 г. Б. М., 1898. С. 61; ЦГА ДВ. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 11 об.
- ²⁷ ЦГИА. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 153. Л. 244 об.
- ²⁸ ЦГА ДВ. Ф. 1193. Оп. 2. Д. 213. Л. 13; см. также: ЦГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 513. Л. 18.
- ²⁹ ЦГА ДВ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 50. Л. 100.
- ³⁰ Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 257, 260.
- ³¹ Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 1. Л. 310.
- ³² Там же. Ф. 1190. Оп. 1. Д. 213. Л. 22 об.
- ³³ Там же. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 9. Л. 39 об—40.
- ³⁴ Мельников В. Е. Дальний Восток. Амурская область и о. Сахалин. М., 1909. С. 26.

© 1991 г., СЭ, № 3

А. Р. Артемьев

ОБ УШКУЙНИЧЕСТВЕ В ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛЕ (XIV—XV вв.)

Вопрос о социальном составе средневекового войска в Древней Руси не раз затрагивался в трудах ведущих отечественных историков¹. Однако наиболее интенсивно эта тематика разрабатывалась на богатейших материалах средневекового Новгорода², первая работа о военном быте которого вышла более столетия назад³.

Значительно меньше внимания (вплоть до последнего времени) уделялось, несмотря на имеющиеся в руках исследователей замечательные по своей подробности псковские летописи, изучению войсковой организации ближайшего соседа Новгорода — Псковской вечевой республики. Именно эти материалы не

позволяют согласиться с мнением Б. А. Рыбакова о том, что псковское войско состояло из тяжелой кавалерии и неопределенного по составу ополчения сельских людей или «нерубленых охочих людей», в число которых попадало и духовенство»⁴.

Специфической формой военной экспансии столицы феодально-вечевого государства было движение новгородских ушкуйников. Отдельную главу посвятил ему в своей монографии В. Н. Бернадский, который пришел к заключению, что «ушкуйничество — это кратковременная, но втянувшая широкие круги новгородских феодалов и плебейства попытка выйти на волжские просторы, завладеть богатствами средневожских городов и „бесерменских купцов“»⁵. Десятилетием позже и, судя по отсутствию ссылок на предшественника, независимым путем к очень сходным выводам пришел и Б. А. Рыбаков, отметивший, что хотя ушкуйники и «не щадили московских городов на Волге..., но они в какой-то мере ослабляли военную мощь Золотой Орды и расчищали путь на Волгу... новгородским купеческим кораблям»⁶.

Вопрос о псковских ушкуйниках в литературе пока не обсуждался. Более того, существовало мнение, что стратегия псковичей носила оборонительный характер и даже небольшие экспедиции в глубь немецкой территории были мстостью за нарушение ливонцами мирных договоров⁷. Между тем, согласно летописи, в период с 1262 по 1502 г. псковичи совершили против своих соседей более 40 походов⁸, что, конечно, трудно считать только оборонительной стратегией. Сам термин «ушкуйники» на страницах псковских летописей отсутствует. Тем не менее он вполне применим к определенной категории городского населения республики, социальный характер и образ действий которой позволяет говорить о наличии такого движения. Впервые на это обстоятельство еще в прошлом веке обратил внимание крупнейший и поныне специалист по истории средневекового Пскова, профессор Варшавского университета А. А. Никитский⁹.

В Псковской земле существовал строго определенный для различной степени опасности способ распределения воинской повинности среди населения — «разруб», отсюда — «рубленые люди», которым противопоставлялись «охочие», т. е. пошедшие воевать по своей охоте. Впервые летописи зафиксировали косвенное указание на существование такого способа мобилизации от 2 августа 1341 г., когда служилый псковский князь Юрий Витовтович поднял с собой «охочих людей пскович и изборян» и отправился добывать языка на порубежье. Неожиданная встреча и схватка закончилась поражением псковичей, потерявших 60 человек¹⁰. Годом раньше, по-видимому, также охочие люди, зная, что немецкие войска находятся на значительном отдалении у южного берега Псковского озера, «в мале дружине» взяли посад у г. Нарва¹¹. Весной 1341 г. псковичи во главе с посадником Ильей «повоевали немецкие села» по берегам р. Эмайыги. В начале июня того же года во главе с Филиппом Ледовичем и Олферием Селковичем они договорились с жителями г. Острова идти воевать в Латгалию. В указанный срок 60 псковичей прибыли на место встречи, но столкнулись с немецкой ратью из 200 человек, двигавшейся с аналогичными целями в Псковскую землю. В неравной схватке псковичи чуть было не потерпели поражение, но положение исправили подоспевшие островичи во главе со своим посадником Василием Онисимовичем¹². Чуть позже 50 псковичей, «пешцы молодые люди», во главе с посадником Карпом Даниловичем Каликой отправились «воевать немецкие земли» за р. Нарву, но узнав, что немцы уже «воюют псковские села» на берегу, ударили по ним, убили 20 человек и захватили «...добытокъ их самых оружие и порты...». Зимой все того же 1341 г. посадник Володша Строилович поднял псковичей «воевать немецкие села» за озером¹³. В 1368 г. в то время, когда псковичи осаждали недавно отстроенный орденский замок Нейгаузен (вблизи совр. пос. Вастселийна ЭССР), Селило Скертовский «...с дружиной в мале охочих людей...» поехал к ливонскому г. Киремпе, но неожиданно столкнулся с немцами и был разбит¹⁴.

В феврале 1406 г. посадник Юрий Филиппович Казачкович поднял «... мало дружины псковичь охочих людей», а также жителей псковских пригородов Изборска, Острова, Воронача, Велья и «повоевал» литовские города Ржев и Великие Луки, откуда «полоноу много приведоша»¹⁵. В мае 1408 г., по-видимому, «охочие изборяне», ходили в Немецкую землю. Немецкие рати в это время осаждали псковский пригород Велья, но против ожидания их встретил еще один отряд, в схватке с которым изборяне, потеряв 11 человек, были опрокинуты¹⁶. Потом в деятельности псковских охочих людей наступает длительный перерыв. Правда, они упоминаются под 1409 г., когда во время набега немцев на Псков жители последнего вышли против них «охочим человеком»¹⁷, но это случай особый. Можно, конечно, предположить, что именно «охочие люди» ходили в 1414 и 1444 гг. «потрошить жито под Новым городком» (нем. Нейгаузен), но уверенности в этом нет. По-видимому, затишье в их действиях связано с общим временным затуханием активных военных акций псковичей, вызванных страшным поражением, которое они потерпели 21 августа 1407 г. в битве у погоста Камно неподалеку от Пскова. Тогда в течение четырех дней, не сумев овладеть переправой через р. Великую, чтобы осадить город, ливонские рати отошли и решили дать бой («за Камном на Лозговичском поли... погании бяхуше ополчилися»). Псковичи ударили на них, но неудачно: «... показаша плеча свои, и побегаша, и оубиша на ступе Панкрата посадника, Леонтина посадника, Ефрема посадника и иных бояр много, и сельских людей много, а всех избиша числом 700». Большие потери понесли и ливонцы: «... а Немец князей и бояр много избиша не только колко пскович и коней великих немецких много приведоша по Псков». В заключение повествования летописец восклицает: «Сие бысть побоище сильно, яко же бысть Ледовое побоище, оу Раковора» (нем. Везенберг, совр. г. Раквере ЭССР)¹⁸. В марте 1463 г. псковичи («нерубленные люди») ходили за Изборск в Немецкую землю во главе с Ивашкой дьяком и «приведоша бесчисленно полона и живота», а основное войско псковичей сражалось в это время с немцами под д. Колпино на севере Земли¹⁹. Это первый случай, когда во главе «охочих» людей, по-видимому, стоял представитель великокняжеской администрации. В июле того же года псковичи с москвичами под руководством воеводы-князя ходили осаждать Нейгаузен. Одновременно псковичи на вече дали воеводство посаднику Дорофею Олферьевичу ехать с «охочими» псковичами в Немецкую землю. Часть рати отправилась на конях, другая погрузилась на 20 ушкуев и 80 людей, причем в составе ее были воины и из других земель²⁰. Последний поход псковских ушкуйников состоялся в июле 1471 г., когда псковичи по приказу великого князя «начаша по всем концам рубитися искрепка, а посадников и бояр великих начаша обрубати доспехи и с конми», а затем вступили в войну с Новгородом и осадили Вышгород. Более полутора тысяч добровольцев собрались тогда под руководством воеводы Маноухна Сиюгина и дьяка Ивана и пошли «воевать» Новгородскую волость самостоятельно, но были неожиданно атакованы во время отдыха новгородцами и разбиты²¹. По числу участников этот поход псковичей был наиболее значителен и сопоставим только с походом новгородских ушкуйников в 1375 г., когда те в количестве 1500—2000 человек на 70 кораблях прошли по Волге, грабя и убивая от Костромы до Сарая²².

Таким образом, за период с 1340 до 1471 г. источники зафиксировали не менее 12 походов охочих людей, количество участников которых колебалось от 50 до 1500 и более человек. Десять из этих походов были в земли Ливонского ордена: в 1340 г. — один; в 1341 г. — пять; в 1368 г. — один; в 1408 г. — два; в 1463 г. — один и по одному в Литву, на города Луки и Ржев (1406 г.), и в Новгородскую землю (1471 г.). Во главе всех походов стояли князь, посадники, бояре или великокняжеские дьяки, и совершались они безусловно с благословения Пскова.

Происхождение этого движения в Псковской земле, так же как и в Новгороде, по-видимому, следует связывать с появлением там в первой половине

XIV в. значительного количества малоимущих «молодых людей», готовых по первому зову отправиться на грабеж. Сам термин «молодые люди», несомненно, возник у восточных славян еще в дофеодалный период и, по-видимому, обозначал половозрастную группу, обязанную доказать свои качества мужчины и воина для перехода в категорию «мужей». Сходные обряды, имевшие целью подготовку молодежи к производственной, общественной и брачной жизни, свойственные родовому строю, были широко распространены у самых различных народов. В рассматриваемый нами период молодые люди представляют собой уже социальную категорию населения. Совокупность всех имеющихся данных позволяет утверждать, что происходили они из среды свободных и не платящих никаких налогов членов привилегированных городских общин Пскова и его пригородов. Источники раскрывают и основные движущие причины походов ушкуйников, поскольку прямая связь молодых людей с беднейшей категорией городского населения — «черными людьми» очевидна как в Пскове, так и в Новгороде, о чем справедливо писал Ю. Г. Алексеев²³.

О принадлежности молодых людей к наименее обеспеченным слоям городского населения свидетельствует также их боевая экипировка. Так, во время уже упоминавшихся событий июня 1341 г. молодые люди названы пешцами, т. е. легковооруженными пехотинцами. Под 1501 г. летопись сообщает о том, что вооружение молодых людей состояло только из щита и сулицы²⁴, в отличие от снаряжения состоятельных мужей-псковичей, воевавших конными, в доспехах, с мечом, копьем и щитом. Подтверждение такого различия в боевом снаряжении молодых людей и мужей могут служить события 1471 г., когда после поражения на новгородской территории ушкуйники бежали, бросив погибших, и только на девятый день в том же составе отправились хоронить товарищей. По-видимому, не надеясь на боеспособность этого отряда в случае нового столкновения с новгородцами, «Господин Псков» послал с ними 120 человек «кованой рати»²⁵, что, несомненно, свидетельствует о плохом вооружении самих ушкуйников.

Податной иммунитет членов городской общины — специфическая особенность социально-политического устройства вечевых городов-земель²⁶, и поэтому не случайно, что и движение ушкуйников характерно исключительно для них²⁷. Во времени эти институты отчасти совпадают. Первый поход новгородских ушкуйников состоялся в 1320 г., а последний — в 1409 г.²⁸, псковских охочих людей — соответственно в 1340 и 1471 г. Более длительное существование ушкуйничества в Псковской земле было обусловлено тем, что большинство походов псковичей было направлено против наиболее агрессивного противника феодально-вечевой республики — Ливонского ордена.

В отличие от псковичей походы новгородских ушкуйников на Волгу и Каму, где они наряду с «бесерменскими» городами грабили и русские, естественно, вступили в противоречие с объединительной политикой Москвы и были пересечены. Следует также отметить, что часть пограничных с Псковской землей территорий, куда ходили охочие, раньше платила дань Пскову и незадолго до того была отторгнута немцами²⁹.

Конец ушкуйничества в Псковской земле, по-видимому, следует связывать с усилением влияния здесь великокняжеской администрации, которое исследователи относят к 1460 г.³⁰, сначала (в 1463 г.) она поставила ушкуйников под свой контроль, а после их поражения (в 1471 г.) ликвидировала движение, сделав упор на мобилизацию по разрубу. Известно несколько разных по количеству мобилизованных норм «разруба». В 1480 г., после взятия немцами псковского пригорода Вышгород, была проведена чрезвычайная мобилизация — «с четырех сох конь и человек»³¹. В 1495 г. по велению великого князя «псковичи срубилась с десяти сох конь и человек», пытались «разрубить» и священников, но неудачно³². В 1500 г. опять же по распоряжению великого князя они «пороубившися з десяти сох конь, а с сорока рублей конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди»³³. На следующий год, защищая Псков

от немцев, «молодые люди два третьего покрутили щитом да с соулицею»³⁴. Очевидно, что в число рубленых людей входили все категории населения Псковской земли, включая смердов, на что уже указывал М. Г. Рабинович³⁵.

Все вышеизложенное позволяет заключить, что ушкуйничество в Псковской земле являлось орудием внешней и внутренней политики правящего класса, а для большей части его участников — своеобразным видом отхожего промысла. Псковское боярство возглавляло и направляло это движение, выплескивая избыток молодых людей под немецкие мечи. Возможность легкой наживы отвлекала беднейшие слои населения Пскова и пригородов от социальной борьбы и смягчала внутренние противоречия феодально-вечевой республики.

Примечания

¹ Рабинович М. Г. Из истории русского оружия IX—XV вв. // Тр. Ин-та этнографии. 1947. Т. I. С. 66, 67; *его же*. Военное дело на Руси эпохи Куликовской битвы // Вопр. истории. 1980. № 7. С. 104—107; Рыбаков Б. А. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. I. Материальная культура. М., 1970. С. 353, 366—368.

² Рабинович М. Г. О социальном составе новгородского войска X—XV вв. // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. 1960. № 3.

³ Никитский А. И. Военный быт в Великом Новгороде XI—XV ст. (Исторический очерк) // Русская старина. 1870. № 1.

⁴ Рыбаков В. Н. Указ. раб. С. 372.

⁵ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М., 1961. С. 36—51.

⁶ Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 372.

⁷ Там же.

⁸ Артемьев А. Р. Некоторые итоги изучения военного дела псковичей в XIII—начале XVI в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конф. Псков, 1987. С. 23.

⁹ Никитский А. И. Указ. раб. С. 178, 179.

¹⁰ Псковские летописи. Вып. I. М.; Л., 1941. С. 18; Вып. II. М., 1955. С. 24, 25.

¹¹ Там же. Вып. II. С. 93.

¹² Там же. С. 93, 94.

¹³ Там же. С. 94, 95.

¹⁴ Там же. Вып. I. С. 23; Вып. II. С. 28, 104.

¹⁵ Там же. Вып. I. С. 28; Вып. II. С. 32, 112.

¹⁶ Там же. Вып. I. С. 35; Вып. II. С. 117.

¹⁷ Там же. Вып. I. С. 32.

¹⁸ Там же. Вып. I. С. 31; Вып. II. С. 115, 116.

¹⁹ Там же. Вып. I. С. 65; Вып. II. С. 153.

²⁰ Там же. Вып. I. С. 66, 67; Вып. II. С. 153—155.

²¹ Там же. Вып. II. С. 183.

²² Бернадский В. Н. Указ. раб. С. 43.

²³ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. 1979. Т. 103. С. 248.

²⁴ Псковские летописи. Вып. I. С. 86. Сулица — легкое, преимущественно метательное копье.

²⁵ Там же. Вып. II. С. 184.

²⁶ Алексеев Ю. Г. Указ. раб. С. 269; *его же*. Псковская Судная грамота и ее время // Развитие феодальных отношений на Руси XIV—XV вв. Л., 1980. С. 217, 218, 220; Янин В. Л. «Черный бор» в Новгороде XIV—XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 107; Артемьев А. Р. Градостроительная политика Псковской феодально-вечевой республики // Краткие сообщ. Ин-та археологии. 1987. Вып. 190. С. 103, 104; *его же*. О некоторых особенностях социально-экономического устройства Псковской феодально-вечевой республики // Социально-экономическое развитие древних обществ и археология. М., 1988. С. 15—17; *его же*. Малые города Псковской земли в XIII—XV вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 137—139.

²⁷ В. Т. Пашуто считал, правда, ушкуйниками также галицких «выгонцев», населявших накануне татаро-монгольского нашествия междуречье Днестра и Дуная // Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 250. Однако, на наш взгляд, эти явления разного порядка, поскольку «выгонцы» по своему социальному статусу скорее напоминают более позднее казачество.

²⁸ Б. А. Рыбаков относит начало действий новгородских ушкуйников к 1360 г., когда они захватили и разрушили город волжских болгар Жукотин. (Рыбаков Б. А. Указ. раб. С. 370, 371).

Однако он не оговаривает, почему не причисляет к ним походы ушкуйников на Мурман в 1320 и 1348 гг., на Кареллу в 1339 г., на Успожну и Белозерье в 1340 г., Двинскую землю в 1342 г. (см.: *Бернадский В. Н.* Указ. раб. С. 39).

²⁹ Об этом свидетельствует сообщение летописей об избиении немцами в 1284 г. 40 псковичей, приехавших собирать дань с латгалов, неподалеку от ливонского замка Маршбург и запись в 1403 г. о том, что псковичи потрошили жито возле замка Нейгаузен на своей земле. См.: Псковские летописи. Вып. I. С. 13, 14, 27; Вып. II. С. 22, 88, 110.

³⁰ *Алексеев Ю. Г.* Москва и Псков накануне включения Пскова в состав русского государства (60—70-е годы XV в.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. науч. конф. Псков, 1986. С. 7.

³¹ Псковские летописи. Вып. I. С. 76; Вып. II. С. 219. Соха — единица податного обложения на Руси в XIII—XVII вв. В конце XV в. новгородская соха равнялась трем *обжам*. (Обжа — поземельная мера, равная 5—10 десятинам, которая обрабатывалась одним работником с лошадей.) К сохе могла быть приравнена и любая другая производящая единица: чан кожевника, кузница, невод, соляная варница или лавка.

³² Там же. Вып. I. С. 81, 82; Вып. II. С. 251.

³³ Там же. С. 84. *Бобыли* — феодально-зависимые малоземельные или безземельные люди.

³⁴ Там же. С. 86.

³⁵ *Рабинович М. Г.* Военное дело на Руси... С. 107.

© 1991 г., СЭ, № 3

Г. В. Цулая

ИЗ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ АНТРОПОНИМИИ

Слово и имя — наиболее напряженный и наиболее показательный результат мышления

А. Ф. Лосев. Философия имени

Историческая антропонимика в последние годы все более заявляет о себе как важная вспомогательная дисциплина в системе гуманитарных наук. Исследователи все чаще пользуются данными антропонимии в качестве определенных свидетельств о социальном и культурном развитии того или иного народа, его политических и этнических связях и контактах.

Вполне очевидно, что историческая антропонимика развивается на стыке таких наук, как этнолингвистика, история, этнография, источниковедение, и не только пользуется методами названных дисциплин, но часто сталкивается со стоящими перед каждой из них трудностями. Исследовательский опыт свидетельствует, что всякий раз, когда антропонимическими сюжетами монополично «овладевают» представители какой-либо из упомянутых дисциплин, результат может получиться обратный желаемому. Еще А. Мейе заметил, что «язы-